

УДК 177.74:008:37

Е. С. Огаренко,

канд. философ. наук, доцент

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,

кафедра социальных теорий

Института инновационного и последипломного образования

«ЛАНДШАФТ ДУШИ» В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ («МЕТАПЕДАГОГИЧЕСКИЙ» ДИСКУРС)

В статье рассматривается культурно-историческая динамика в контексте долговременных ментально-языковых трансформаций. Ментальность и язык интерпретируются как одни из системообразующих факторов социокультурной эволюции, а их развитие интерпретируется как хронотопические трансформации ментального космоса человека, в котором концепт «душа» является одним из важнейших психоэтических параметров. Проводится мысль, что нынешний формат понимания человека не соответствует его изменившемуся ментальному космосу и препятствует обновлению педагогического процесса.

Ключевые слова: ментальный космос, «душа», хронотоп, культурно-историческая динамика, постмодерная ментальность, «метапедагогическая» стратегия.

Постановка проблемы. Представляется, что исторический и ментальный опыт, накопленный современным человечеством, не получил пока необходимого теоретического обобщения, что, в частности, выражается в навязчивом воспроизводстве определения человека как биосоциального существа, отражающего, на наш взгляд, сциентизированную ментальную установку, свойственную уходящей культурно-исторической эпохе.

Этот формат понимания человека, в соответствии с которым складывается его организационно-деятельностная практика, ценностная ориентация, стратегия развития, нуждается в существенном обновлении в контексте обновленного понимания современной культурно-исторической эпохи, по поводу которой И. Бродский заметил: «завершается... период психологического палеолита, знаменитый своей верой в нравственный процесс и сопряжённой с ним склонностью к утопическому мышлению, на смену приходит ощущение переогромленности и крайней степени автоматизации индивидуального и общественного сознания» [2, с. 6].

В этой связи представляется плодотворным рассмотреть культурно-историческую динамику в контексте долговременных ментально-языковых трансформаций, выполняющих роль одного из системообразующих факторов социокультурной эволюции, переформатирования ментального космоса человека, его хронотопических координат в различные эпохи, исходя из гипотезы, что концепт «душа» является одним из важнейших психоэтических параметров культуры, сохраняющей потенции развития, а его девальвация является началом системного кризиса культуры.

Цели статьи: 1) Проследить истоки формирования ментального космоса человека в связи с генезисом языка и его различных функций. 2) Интерпретировать культурно-историческую динамику как процесс хронотопических трансформаций ментального космоса человека. 3) Обосновать конституирование концепта «душа», его функций как символического координатора индивидуального и социального аспектов бытия человека. 4) Охарактеризовать специфические сдвиги в ментальном космосе человека постмодерной эпохи. 5) Обосновать необходимость стратегического и технологического обновления образовательно-воспитательного процесса в контексте кризисных ментальных тенденций в современной культуре.

Анализ литературы. Проблема культурно-исторической динамики является одной из фундаментальных философских проблем, имеющих долгую историю исследования. В контексте предлагаемого в статье аспекта рассмотрения культурно-исторической динамики следует акцентировать концептуальное значение для данного исследования идей организационно-деятельностного подхода к культуре школы Г. П. Щедровицкого, содержащихся, в частности, в главе «Генезис культуры» книги В. М. Розина «Введение в культурологию», идей системно-методологического анализа А. И. Уёмова, содержащихся, в частности, в его книге «Системные аспекты философского знания», анализа ритуально-символического содержания культуры в книге Ж. Бодрийяра «Ритуальный обмен и смерть», постмодерной ментальности в книге Ж. Делёза «Логика смысла», работе Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Что такое философия?», «Словаре культуры XX века» В. П. Руднева, генезиса языка в исследованиях Э. Сепира, в частности, в главе «Язык. Введение в изучение речи» книги «Избранные труды по языкознанию и культурологии».

Представление в статье рассуждения о концепте «душа» опираются на исследования М. К. Мамардашвили о природе сознания, на его статьи «Сознание как философская проблема», «Проблема сознания и философское призвание», его книгу «Лекции о Прусте» и, в частности, на оригинальное замечание М. К. Мамардашвили о том, что «человек начинается с плача по умершему». Существенны в этом контексте для данного исследования также идеи Ж. Батая касательно «парадоксального значения слёз» в человеческом общении в его книге «Литература и Зло».

Предлагаемый в статье концептуальный подход созвучен с идеями, касающимися духовной ситуации в Украине, высказанными в монографии И. В. Степаненко «Метаморфози духовності в ландшафтах буття», а также в статьях В. Загороднюка «Мова у модерновій та постмодерновій парадигмах», В. Суковатої «Смерть як «Інший» у візуальних нараціях постмодерну».

Культурно-историческая динамика как процесс ментально-языковых трансформаций. Тезис о двойственной биосоциальной природе человека, на наш взгляд, содержит скрытую ментальную установку на утверждение иерархического господства социального над индивидуальным. Представляется более корректным предположить, что природа «первая» и единствен-

ная «приобрела» посредством человека возможность «обработки материала» благодаря возникновению специфического «орудия» коллективного пользования — языка, а произведённые с его помощью искусственные орудия и вещи используются человеком по мере включения их в «символологическую» коммуникацию.

Э. Сепир заметил: «Я склонен полагать, что возникновение языка предшествовало даже самому развитию материальной культуры и что само развитие культуры не могло... иметь места, пока не оформился язык, инструмент выражения значения» [10, с. 42].

«Орудийность» языка неочевидна по причине его «встроенности» в органическое тело, а приобретённое дополнительное свойство «обработанного» при посредстве языка «материала» — «на-значение» — существует только для участников культурно-технологического процесса при условии, что «по-н-имается» (то есть символически присваивается) ими.

Человек изначально «технологичен», если понимать «технологию» не только как способ обработки, но и «пре-образования» «материала» безотносительно к тому, является «материал» одушевлённым или неодушевлённым).

Первая из «технологий» — ритуально-магическая — это синкретизированная то есть недифференцированная (на обработку предмета или человека) «технология», поскольку одушевлённость приписывается всему существующему.

По Сепиру, язык, кроме «референциальной» («обозначательной») функции, несёт и функцию «конденсационную» — как «чрезвычайно сжатую форму заместительного поведения... которая позволяет снять эмоциональное напряжение» [10, с. 205]. Ритуал реализует символическую функцию языка — замещающую, то есть снимающую психическое напряжение, вызванное запретом («табу») определённых инстинктивных действий.

Факт, что древнейшие очаги речевой деятельности возникали в моторной, а не сенсорной области коры мозга, Б. Ф. Поршнев считал подтверждением того, что «...вторая сигнальная система родилась как система принуждений между индивидами: чего не делать; что делать» [8, с. 422].

Посредством ритуальной «метаморфизации» инстинктивных побуждений ритуал «встраивает» в органическое тело психический механизм, действие которого можно обозначить как инверсию языка, то есть как интроверсию, чреватую само-волением.

Развитие номинативной (называющей, описывающей) функции языка «разъединяет» язык и действие, а речевая активность сама по себе становится аналогом действия, амбивалентно соединяющего и самоторможение, и самоосвобождение.

Речевая активность — это креативная функция языка, посредством творческого акта разряжающая напряжение, вызванное самоторможением.

Образно-символическая креативность языка — мифотворчество.

Ж. Бодрийяр заметил, что «дикари» умели актуализировать в своих обрядах амбивалентное отношение к богам и «...возможно даже, что они молились им только с целью предать их смерти» [1, с. 347].

Миф разъединяет поклонение и убийство. Точнее — создание образа бога одновременно является его умертвлением в этом образе, его «приручением» (греческое «эйдолон» — идол — «тень умершего»).

Создание мифосемиотического «пространства» — «коллективного образно-символического пространства», в котором присутствуют «приручённые» боги — начало «удвоения» мира, формирования ментального космоса, в котором человек «присутствует» символически.

Связь между человеком и ментальным космосом осуществляется посредством символической «субстанции», способной «отделяться» от тела и «возвращаться» или «не возвращаться» в него, наподобие дыхания — души.

«Субстанциализация» «души» формирует ментальный космос, в котором не просто дифференцируются «одушевлённость»-«неодушевлённость», но «одушевлённость» присутствует как некая самостоятельная сущность, связующая «макрокосм» (вселенную) и «микрокосм» (человека).

Эта сущность не имеет других признаков, кроме «при-сутствия», то есть места («топоса», в терминологии М. Мамардашвили), которое способно опредмечивать через язык своё отношение к миру, следствием чего является «про-яснение», «про-светление», «конституирующее сознание», опредмечивать и самоё себя как символическое «Я».

Ментальный космос антропоморфен и упорядочен в системе хронотопических координат (вертикальных, горизонтальных, темпоральных), изменяющихся сообразно с развитием культурно-технологической системы.

Связь «души» с ментальным космосом делает её потенциально бессмертной даже после отчуждения от тела, но сам факт отчуждения переживается человеком как «утрата», сопряжённая с такими экзистенциальными состояниями, как тревога, страх, вина.

Переживание «утраты» — невербализуемое предчувствие неизбежности отчуждения «души», ограниченности её пре-бывания в теле, возможности её бесповоротной утраты, представляющейся как переход из бытия (света) в небытие (темноту).

При этом «небытие» переживается не как «ничто», «пустота существования», а как «полнота несуществования», то есть «пространство», лишённое каких бы то ни было «о-значенных» признаков, но тем не менее пугающе достоверное.

Это присутствие «иного», переживание которого достоверно, но невыразимо, знакомо каждому. «Темнота не означает невежества, того, что я чего-то не знаю. Темнота — это прежде всего невозможность знания, невозможность знать, делать что-то знанием» [5, с. 240], — писал М. Мамардашвили в лекциях о Прусте.

Антропоморфный ментальный космос — символическое «вечное бытие», гарантирующее ту или иную форму символического бессмертия «души» — важнейшего психоэтического параметра всякой культуры.

Преимущественно топическая (пространственная) «табу-технологическая» организация ментального космоса в процессе культурогенеза человека трансформируется в хронотопическую «мифо-логическую» вер-

тикалью «верх-низ», что, безусловно, связано с зависимостью базовых элементов уклада жизни от солнца и земли и с оформившейся иерархической пирамидой власти, но, очевидно, имеет и определённую психофизиологическую корреляцию с переструктурированием речевых зон мозга.

Сезонность сельскохозяйственных работ, являющихся основой жизненного цикла социума, предопределяет рождение циклического времени, которое сопряжено с сакрализованной вертикалью «верх-низ», интерпретировано как вечный порядок и противопоставлено профанному времени как разрушительному, тлетворному. Находящиеся на верхушке иерархической пирамиды властные элементы, исключённые из потока профанного времени, олицетворяют вечную целостность мифологического хронотопа.

Профанное «время» находится за рамками мифологии, ему отдано «пространство» частной жизни, сюжеты из которой не являются предметом культовых описаний или изображений, они находятся преимущественно на периферии мифологического «пространства-времени». (К. Леви-Стросс заметил, что миф — это «машина» для уничтожения времени.)

Но трансформация «табу-технологии» сопровождалась дифференциацией самой технологии на «идео-логику» (символ-логические смыслоценности — «сверхценности») и «техно-логику», посредством которой человек вписывается в систему, где территориально и демографически невозможно ритуальное единство действия.

Возникает необходимость в посреднике, который вербально-семиотическую «символ-логику» трансформирует в ритуально-техническую «техно-логику». Функция трансформации настолько значительна, что вызывает к жизни сословие бюрократии, которая формирует культ богоравного правителя [9].

Процесс ментально-языковой трансформации культуры от мифологии к философии можно вслед за К. Ясперсом назвать «осевым временем», связывая с ним рождение особого символического языка — «диалектики» («диа-логики»), который не нуждается в посреднике.

Логика первоначально понимается как логика поведения (последовательность, правильность действий), основы которой становятся предметом рассмотрения, рефлексии, критики. Сократу вменялось в вину, что «он не чтит богов, которых чтит город», то есть расшатывает «мифо-логику».

«Диа-логика» как искусство живого диалога у Сократа и как литературный жанр у Платона трансформировалась в «логику» Аристотеля (то есть в своего рода технологического арбитра в споре логик, в «мета-диалектику»).

Рационализация в узком смысле — это логико-понятийная вербализация, то есть особая техника языка и мышления, овладение которой является относительно автономной от сословной принадлежности, но, следовательно, и от идеологии.

Культе «рацио» формировал соответствующий язык и языковую среду (союзы, братства, школы) и способствовал выделению рационального общения как самостоятельной формы и образа жизни и стиля поведения, который позиционировался как «созерцательный».

Безусловно, «созерцательность» коррелирует с обеспеченностью, сословной привилегированностью, что и предопределяло первоначально её аристократическую оболочку, но смысл «технологической революции», которую осуществила «духовная аристократия», оказался гораздо шире использования нового символического языка.

Культурно-технологический прорыв «осевой революции» — это не просто автономизация логики от мифологии, но и автономизация логики (ещё и как интеллектуальной техники) от идеологии, следствием чего становится легальным инакомыслие, положившее начало идеологическому плюрализму.

Само понятийное мышление — это драматический сюжет конфликта понятий, который можно представить только последовательно, поэтапно, линейно.

То есть в широком смысле опыт рационализации, пережитый в «осевое время», касается не столько логико-понятийной формы его проявления, сколько смещения самого способа ментального существования: от неизменного к изменяющемуся в направлении его возможного усовершенствования.

Это открытие «цели» как новой пространственно-временной координаты стало главным ментальным открытием «осевой» революции. Вертикальная хронотопическая организация ментального космоса «земля-небо» не исчезает, но конкурирует с производным от неё хронотопом «имеющееся-должное», который укрепляет хронологическую составляющую ментального космоса, где пока ещё нет «будущего», поскольку нет «прошлого» — «прошлое» остаётся в рамках мифологизированного «золотого века», «века богов и героев», который включён в мифологическую память «вечности». «Осевая революция» эмансипирует «профанные» мотивы поведения — интересы — от «мифологизированных» «сверхценностей», «легализуя» в социуме идеологический плюрализм.

«Сверхценности» теперь существуют скорее как прикрытие интересов, репрезентирующих большие группы людей, облачённых в «тогу» морально «должного». «Должное», в отличие от «настоящего» форматируется как «идеалы», достижение которых включает фактор «времени» и индивидуальных усилий. Борьба «больших интересов» за реализацию «идеалов» становится легитимным содержанием политики и истории.

Рождение «истории», движимой в том числе и «профанными» («приземлёнными») интересами «заботы» о «должном» — это по существу начало «конца вечности».

«Вечность» продолжает «существование» в неомифологическом пространстве монотеизма, но уже с учётом произошедшей ментально-языковой трансформацией культуры.

«Неомифологизированная история» в культурно-семиотическом смысле — это процесс постепенного вытеснения хронотопа «имеющееся-должное» хронотопом «прошлое-настоящее-будущее».

Это ментально-языковой процесс, которому сопутствовала эмансипация логики от идеологии и, соответственно, трансформация «диа-логики» — «в моно-логику».

Этот процесс затрагивал не только собственно логику, но и «неомифологию», в частности, христианский монотеизм, рождение которого собственно и позиционировалось как нравственный подвиг «моно» — героя, а «Троица» как символ веры отражала невербализованную ещё диалектическую триаду, подразумевающую процесс, становление.

Противопоставляя себя политеизму, монотеизм одновременно способствовал формированию новой хронотопической доминанты, настраивая на ожидание «конца времени», «судного дня», который отделит «время» от «вечности».

«Конец времени» станет и началом «нового» «вечного» пространства — «града Божьего», который в его противопоставлении «граду земному» возвращает к известному уже мифологическому хронотопу «земля-небо», но уже с поправкой на «историческую» составляющую.

То есть посредством моно-теизации мышления хронотоп «имеющееся-должное» приобретает хронологические очертания «прошлое-настоящее-будущее», поскольку уже подразумевается «прошлое» вследствие его идеологической дискредитации как «языческого», подлежащего вытеснению.

Ментальная трансформация сопровождает формирование новой формы межгосударственно-политических отношений — цивилизационной. Пространственный формат «цивилизации» делает легитимным соответствующий формату «исторического времени» идеологический плюрализм на государственном уровне, создавая более широкое ментальное пространство, в котором «несть ни эллина, ни иудея». «Тео-логика» (аристотелезированная теология) и «техно-логика» (деаристотелезированная философия), сопровождавшие рождение собственно науки, в равной мере «несут ответственность» за рождение науки и предуготовляют ментальную революцию, связанную с утверждением хронотопа «прошлое-настоящее-будущее».

Вследствие идеологической эмансипации рационализма знание, следуя завету Ф. Бэкона, становится вначале силой, то есть самодостаточной моноинтеллектуальной техникой — наукой, а затем и властью, по крайней мере в той интерпретации власти, начало которой положил Т. Гоббс. Развитие науки — это форсированная сциентизация мышления, то есть процесс развития рационализованного знания, при котором строго понятийная вербализация, в идеале математически верифицируемая или потенциально стремящаяся к этому, узурпирует культурно-семиотическое пространство.

«Утопия...» Т. Мора как модель рационально обустроенного пространства в качестве «исторического» проекта будущего утверждается в качестве ментальной установки, свободной от теологического подкрепления. «Цель» как рационально-психологическая устремлённость к морально «должному» в «историческом» формате приобретает характер рационально-психологической устремлённости к конкретному «месту», пока отсутствующему («у-топос»), но уже «различимому» в грядущем.

«Золотой век» переозначивается и становится синонимом не прошлого, а «будущего», которое понимается скорее не как место, а процесс, концептуально означенный как «прогресс». Знание становится одним из символов прогресса, в том числе и нравственного, а человек, препятствующий широ-

кому распространению знания, именуется ретроградом («идущим назад»). Университет становится местом, где возможна не только интеллектуальная, но и политическая автономия.

Вслед за рационализацией политики в ходе «осевой революции» происходит рационализация хозяйственного уклада при посредстве, как утверждал М. Вебер, религиозной реформации христианства. Но сама реформация была частью ментально-языкового процесса «моно-логизации» космоса, в котором эмансипированная логика становится не только ментально-психологическим, но и эффективным хозяйственно-экономическим инструментом.

Хозяйственно-экономическая эффективность подкреплялась на сознательно-психическом уровне тем, что «интерес» как групповой мотив поведения получает легитимность как «частный» мотив («естественные права» человека, сформулированные Д. Локком), следствием чего становится формирование новой политической элиты, капитализация производства и рыночных отношений.

Образование «нации» — это не просто трансформация этноса, в котором формируется внутренний рынок, а процесс легитимизации частного интереса как механизма личной независимости.

Формирующиеся нации опираются на идеологию национализма, в том числе и в форме «мессианства», «богоизбранности» как государственной «сверхценности», стараясь сбалансировать запущенный в действие механизм частного интереса.

Националистическая идеология в светской «упаковке» формулируется как патриотизм, который в отсутствие сакральных «сверхценностей» становится предметом имитации, фальсификации, риторики, что дискредитирует идеологию в принципе, ведёт к «деидеологизации», вытеснению «символ-логической» составляющей культуры.

«Доверие» к знаку, воспитанное книжно-письменной культурой, остаётся, но доверие к знаку, «очищенному» не только от полисемии, но и от лого-семантики, к «рафинированному» знаку-указателю. Соответствие знака означаемому определяется не символическим значением (истинным или ложным), а практической полезностью.

В этой прагматической системе взаимоотношений знаков вещей и значений практическая эффективность науки, бывшая полезным дополнением к теоретическому умозрению, провоцирует развитие техники как практически полезных вещей.

Техника в этом смысле практического умения и его результатов заполняет всё культурно-технологическое пространство, осуществляя «семиотическую революцию», в ходе которой «неодушевлённость» (отсутствие символического «топоса») приписывается всему существующему. Культурно-символическое пространство, в котором присутствовала «душа», стремится к нулю, а слово «душа» воспринимается как форма мифопоэтической риторики.

При посредстве секуляризированного образования формируется «идеополитический» альянс «наука-техника-власть», который превращается в мощный инструмент развития «профанных» технологий производства знаков,

вещей и значений, расширяющую само понятие производства на традиционно «непроизводственные» сферы — политику, мораль, религию, искусство.

«Идеология рынка» девальвирует сам рационализм, поскольку наука утрачивает значение мировоззренческого горизонта, по поводу чего К. Поппер заметил, что «если восторжествует большинство, то есть узкие специалисты, это будет конец науки, какой мы её знаем... духовная катастрофа, сравнимая по своим последствиям с появлением ядерного оружия» [6, с. 321].

Хронотоп «прошлое-настоящее-будущее», как «чёрной дырой», втягивается «настоящим». Триумф «настоящего» разрушает хронотопическую модель, на которой базировался сциентизированный миф прогресса.

Претензия гегелевской «Науки логики» на панлогизм оказалась последней в преддверии европейского иррационализма, а появившаяся полтора столетия спустя «Логика смысла» Ж. Делёза констатировала рождение постмодерной ментальности, одной из особенностей которой является установка на «отмену будущего», поскольку «за занавесом нет ничего, на что стоило бы посмотреть» [3, с. 26].

Будущее как «неизбежное» порождение настоящего «отменяется», поскольку трансформируется сам ментальный космос и «древообразные парадигмы мозга уступают место ризоматическим фигурам, системам без центра, сетям конечных автоматов, хаотичным состояниям» [4, с. 276].

Очевидно, что и этот процесс имеет определённую психофизиологическую корреляцию с механизмом переструктурирования речевых зон мозга, но семиотическим эквивалентом этого процесса является, возможно, то, что язык обретает «свободу» маневрирования знаками и значениями в форме игры в «интертекстуальность».

Постмодерная ментальность отражает приближение «конца истории» одновременно с мировоззренческим кризисом гуманизма — «концом человека», что, на наш взгляд, отражает современную культурно-историческую ситуацию.

После связанного с модернизмом переживания апокалиптического «конца света» (который, по выражению Н. Бердяева, «...наступил, но этого никто не заметил») теперь мы переживаем «конец истории», в которой концепт «душа»...

Психологически «освобождение» от «топоса души», то есть от переживания утраты «самости» — символического «я», и есть состояние экзистенциального кризиса, который, в отличие от переживания небытия как «полноты несуществования», есть переживание «пустоты существования» («экзистенциальный вакуум», по В. Франклу).

Выводы и перспективы исследования

Соглашаясь, что термины «постистория» или «постиндустриальная эпоха» не являются содержательным, согласимся в качестве условного с постмодерным определением эпохи — «мы живём в эпоху, когда все слова сказаны» [цит. по: 7, с. 221], принадлежащем С. С. Аверинцеву.

Л. Витгенштейн заметил, что мы пребываем в состоянии войны с языком. Давно наметившийся мировоззренческий поворот к восточной ментальности, где «созерцанию» идеального противопоставлено созерцание «предметного» или «пустого», знаменателен тем, что состояние ментальной «пустоты» не есть состоянием «пустоты существования», поскольку в нём «присутствует» «чистая» свобода, свобода от языка, который и является собственно источником «сладостного» порабощения.

Информационно-образовательные технологии, которые сегодня «задыхаются» в пространстве нарастающего в геометрической прогрессии словопроизводства (количество учебных часов, количество печатных листов и т. п.), являются очевидно экстенсивными и не соответствуют эпохе ресурсосбережения.

Некоторые идеи, положенные некогда на фоне нарастающей волны демократизации в основу Пифагорейского братства, одной из установок которого была «смирить свой язык и слова», сегодня вполне актуальны, а печальная судьба Пифагорейской школы — хороший пример того, что не всё, что идёт вразрез с «идеологией рынка», «достойно» умирания.

В качестве «метапедагогических» идей стратегии развития образовательно-воспитательного процесса в контексте проведенного анализа культурно-исторической динамики хочется предложить следующее.

Сформировать «топос души» как системообразующий психоэтический феномен культуры можно только посредством «труда души», который редуцирован в действующих технологиях, приучающих «объекты» воспитания к душевному иждивенчеству или, ещё хуже, к «душевному» спекуляциям на тему гуманизма.

Декларируемый «гуманизм» становится анахронизмом в ситуации, когда не только «Бог мёртв», но и образ человека, представленный в концептах возрожденческого и просветительского гуманизма, тоже «мёртв».

«Труд души» должен опираться на более широкую мировоззренческую базу, включающую не только европейский ментальный опыт, и соответствовать религиозной и философской «полифонии» современного мира.

«Национальная идея» и национальная самоидентификация не могут быть приоритетами образовательного процесса по причине информационно-технологической и этико-космологической глобализации развития.

Установка на «гармонию человека и общества» в ситуации обезличивания и бюрократизации общественных отношений, девальвации гражданских ценностей, «сращивания» общества и государства по существу превращается в «несвободу» и человека, и общества, их взаимопорабощение.

Установка на «всестороннее развитие личности», которая ориентирует на «безграничное развитие умственных и душевных сил», в сциентизированном ментальном контексте является по существу установкой на разумную, то есть «умеренную» экспансию, включая космическую экспансию человека, стремление «расширить себя до масштабов космоса». Эта установка должны смениться установкой на «ресурсосбережение личности», то есть раннее самоопределение, саморазвитие, самообразование личности.

Соответственно ментальная установка на «макрокосмический консонанс», то есть поиск «братьев по разуму» в космосе, нуждается в «космической» альтернативе — поиске «микрокосмического консонанса», обретению «братьев по разуму» на земле.

Одно из направлений поиска такого консонанса — невербальная коммуникация, понимаемая не просто как «жестикуляция» рук и тела, но включающая каналы ментальной симпатии и эмпатии, редуцированные вследствие вербально-языковой оккупации семиотического пространства.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
2. Бродский И. Предисловие // Алешковский Юз. Собрание сочинений в трёх томах: Том 1. — М.: ННН, 1996. — 640 с.
3. Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophikum*. — М.: Паритет, 1998. — 480 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? — Спб.: Алетейя, 1998–288 с.
5. Мамардашвили М. Из лекций о Прусте // *Ad Marginem* '93. — М.: Ad Marginem, 1994. — С. 203–248.
6. Поппер К. Разум или революция? // Эволюционная эпистемология и логика
7. социальных наук: Карл Поппер и его критики. — М.: Эдиториал, 2000. — 464 с.
8. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. — М.: Аграф, 1999. — 382 с.
9. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. — М.: Мысль, 1974. — 487 с.
10. Розин В. М. Как египетские жрецы пришли к идее пирамиды // Введение в культурологию. — М.: ИНФРА-М, ФОРУМ, 2000. — 224 с.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс, 2002. — 656 с.

Є. С. Огаренко,

канд. філософ. наук, доцент

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,

кафедра соціальних теорій інституту інноваційної та післядипломної освіти

«ЛАНДШАФТ ДУШІ» В КУЛЬТУРНО-ІСТОРИЧНОМУ ПРОСТОРИ («МЕТАПЕДАГОГІЧНИЙ» ДИСКУРС)

Резюме

В статті розглядається культурно-історична динаміка в контексті довготривалих ментально-мовних трансформацій. Ментальність та мова інтегруються як одні із системоутворюючих факторів соціокультурної еволюції, а їхній розвиток інтерпретується як хронотопічні трансформації ментального космосу людини, в якому концепт «душа» є одним з найважливіших психоетичних параметрів. Проводиться думка, що сучасний формат розуміння людини не відповідає його ментальному космосу, що змінився, і перешкоджає оновленню педагогічного процесу.

Ключові слова: ментальний космос, «душа», хронотоп, культурно-історична динаміка, постмодерна ментальність, «метапедагогічна» стратегія.

E. S. Ogarenko,

Assistant professor

Department of social theories institute of innovative and postgraduate education,
Odessa I. I. Mechnikov National University

A «LANDSCAPE OF THE SOUL» IS IN CULTURAL AND HISTORICAL SPACE («METAPEDAGOGICAL» DISKURS).

Summary

The article examines cultural and historical dynamics in the context of a long duration mentally and linguistic transformations. Mentality and language are interpreted as one of system making factors of social and cultural evolution, and their development is interpreted as chronotopical transformations of mental space of human, in which concept of «soul» is one of the major psychoethnic parameters. An idea is advanced that the present format of understanding of man falls short of his changed mental space and hinders the update of pedagogical process.

Key words: mental space, «soul», chronotop, cultural and historical dynamics, postmodern mentality, «metapedagogical» strategy.